

Олег Бореко

ВОЗВРАЩЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ

Вселенная "ПИМ-Стар"

Книга 5

Олег Бореко

**Вселенная "Пим-Стар": Книга 5.
Возвращение, которого не ждали**

«Автор»

2026

Бореко О.

Вселенная "Пим-Стар": Книга 5. Возвращение, которого не ждали
/ О. Бореко — «Автор», 2026

ВОЗВРАЩЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ. И ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ ВСЁ РЕШИТ. Вы помните этот момент? Команда воссоединилась. Игрушка найдена. Пузырь Лова готов нести её к Краю. Кажется, всё идёт по плану. Но вселенная, как всегда, готовит сюрприз. Пока генерал Круп ведёт переговоры с Ловцами на Планете Молчаливых Зеркал, команда Тика мчится к финальной точке. Внутри «Блинчика» тесно, пахнет пончиками и надеждой. А на Краю Скукла просыпается. Его сон становится рваным, а тоска — невыносимой. Смогут ли герои доставить игрушку вовремя? Что, если Лова опоздает? И что скрывает тайный «Слёзный Путь»? Вас ждут: новые приключения в Трубе Эхо-Обмена, смех и слёзы, золотая пыль Планеты Зеркал и финальный отсчёт до самого важного возвращения. Это история о том, что даже когда всё идёт не по плану, дружба остаётся единственным компасом. И что иногда, чтобы спасти вселенную, достаточно одного маленького пузыря с большим сердцем. Держитесь крепче. Финал ближе, чем кажется.

© Бореко О., 2026

© Автор, 2026

Олег Бореко

Вселенная "Пим-Стар": Книга 5.

Возвращение, которого не ждали

КНИГА ПЯТАЯ - ВОЗВРАЩЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ

ГЛАВА 1: ПЯТЬ ЧАСТЕЙ НЕВОЗМОЖНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Часть 1: Возвращение, которого не ждали

А на Земле дядя Миша, только что махнувший рукой удаляющемуся огоньку в небе, глубоко вздохнул. Воздух пах лесом, вечерней прохладой и... одиночеством. Таким тихим, каким оно бывает, когда рядом только что были друзья, а теперь — только звёзды.

«Невероятно... — пробормотал он, потирая переносицу. — Кому расскажешь — не поверят. Но можно написать очень интересную книгу. А что, это мысль! Надо будет подумать о ней, как будет посвободней в моём графике».

Он развернулся к дому, мысленно уже планируя, как будет объяснять соседке тёте Гале отсутствие гигантской вязаной игрушки на стене. «Скажу, моль съела. Или кошка утащила. Хотя у меня нет кошки... Ладно, придумаю».

Он сделал три шага.

БА-БАХ!

Ослепительная, но абсолютно беззвучная вспышка разрезала воздух прямо перед его носом. Не тепло, не холод — просто внезапная белизна, будто кто-то щёлкнул гигантским выключателем Вселенной. А когда свет рассеялся, перед ним, будто и не улета, завис «Призрачный Блинчик». Он слегка подрагивал, как мираж на раскалённом асфальте, и от его корпуса стекали переливающиеся капли света, похожие на жидкое серебро.

Дядя Миша замер. Его мозг — верный слуга логики, законов физики и здравого смысла — дал сбой. Зазвенел, как перегруженный компьютер, и выдал белый шум.

«Они же только что... — первая мысль поползла, как сонная улитка. — Я же только что махал им... Они были точкой... потом ниточкой... потом ничем... Это галлюцинация? От переутомления? Может они и не улета, или забыли чего то?»

Люк с шипением, похожим на вздох огромного чайника, открылся. И оттуда, словно горох из переспелого стручка, посыпались знакомые фигурки.

Первым вылетел Тик. Он даже не приземлился — с разбегу налетел на дядю Мишу и обхватил его ноги так крепко, что человек едва устоял.

— Дядя Миша-а-а! Как я по тебе соскучился! — затараторил пимк, его ярко-оранжевый хохолок радостно ёрзал, выстреливая золотые искорки прямо на джинсы. — Ты представляешь, мы уже столько всего успели! Там Труба, и пузыри, и...

— Ты... — дядя Миша попытался сообразить, но слова путались. — Ты как успел? — выдавил он наконец, машинально глядя на часы. — Минута! Максимум полторы! Вы же... на световой скорости должны были лететь! Вы должны быть уже у Альфы Центавра или где вы там летаете!

— А это, дядя Миша, долго объяснять! — замахала лапками Зум, подбегая и поправляя очки. — Мы использовали короткий путь! Через Трубу Эхо-обмена! Это такая... пространственно-временная аномалия! Там время течёт по-другому! Для тебя — миг, а для нас хватило, чтобы слетать на Планету Пузырей, найти нового друга, решить кучу проблем и ещё Мы ведь еще не кушали, а у тебя пончики остались?!

— Короткий путь... — дядя Миша медленно повторял, чувствуя, как в его голове с треском лопаются очередное представление о мире. — Планета Пузырей... Бутерброды космические... — Он посмотрел на Зум, потом на Тука, который только что вылез и потягивался,

потом на Шепот, которая тихо улыбалась в сторонке. Его взгляд задержался на пустом пятом месте в кабине. «Так, стоп. Их же было четверо. А мест пять...»

И в этот момент из кабины выплыло Нечто.

Часть 2: Новый друг, пузырьковое рукопожатие и хохот, лечащий душу

Оно было похоже на идеальный мыльный пузырь, но только очень большой, размером с арбуз, и переливалось всеми цветами сразу: синим, как вечернее небо, фиолетовым, как спелая слива, изумрудным, как трава после дождя, и золотым, как только что подрумяненный пончик. Внутри что-то тихо светилось, и пузырь мягко наигрывал мелодию, похожую на звон хрустальных бокалов, если бы их трогали невидимые пальцы ветра.

— О, это Лова! — воскликнул Тик, отцепившись наконец от ног. — Наш новый друг и ключевой специалист по транспортировке хрупких и очень важных грузов!

Лова медленно опустился до уровня глаз дяди Миши. Он казался немного нервным — его переливчатая поверхность чуть дрожала. Видимо, он понимал, что встречает первого в своей жизни инопланетянина-человека.

Дядя Миша уставился на пузырь. Его рука сама потянулась потереть глаза, но он остановил её. «Нет, — строго сказал он себе. — Если это галлюцинация, то уж очень она подробная. И пимки её тоже видят. Значит, реальность».

Лова, желая проявить уважение и дружелюбие (где-то в глубинах его пузырькового сознания всплыли обрывки знаний о земных обычаях), задумался на секунду. Маленькие пузырьки, витавшие вокруг него, словно свита, вдруг зашевелились. Они слетелись, зажужжали, как рой светлячков, и начали быстро-быстро строиться.

Через три секунды перед дядей Мишей висела... точная, но немного колышущаяся копия его самого! Были и усы, и добрые усталые глаза, и даже намёк на фартук! Это «пузырьковое альтер-эго» вежливо протянуло руку для пожатия.

Тик ахнул. Зум вытаращилась. Тук хмыкнул. Шепот улыбнулась ещё шире.

Дядя Миша посмотрел на свою пузырьковую копию. Потом на свою реальную, немного потрёпанную жизнью руку. Внутри него боролись вежливость, дикое любопытство и древний инстинкт, говорящий «не трогай незнакомые светящиеся штуки».

Вежливость и любопытство победили.

Осторожно, как будто тянулся к горячей плите, он протянул свою большую, трудовую ладонь.

Их пальцы почти соприкоснулись. Пузырьковая рука дяди Миши была прохладной и чуть пощипывала, как газировка.

В этот момент случилось непредвиденное. Видимо, Лова так волновался, что не рассчитал напряжение. Маленькие пузырьки, из которых состояла рука, не выдержали.

С тихим, смешным, абсолютно нестрашным «**поп! поп-поп-поп-поп!**» они дружно лопнули.

Дядя Миша отдернул руку. На его пальцах остались лишь крошечные, искрящиеся капельки, которые тут же испарились с лёгким шипением, оставив ощущение приятной прохлады.

Наступила секунда абсолютной тишины. Все замерли.

А потом Лова залился мелодичным, переливчатым смешком. Звук был похож на то, как падают в таз с водой десятки стеклянных шариков: звонкий, радостный, неудержимый. От смеха он весь заходилась разноцветными волнами.

Тик, увидев это, фыркнул. Потом захихикал. Потом повалился на спину и забил лапками по земле, смеясь так, что его хохолок метал фиолетовые и оранжевые молнии.

Зум попыталась сдержаться — она же учёный! — но у неё дёрнулась щека, дёрнулся нос, и она, фыркнув, закрыла лапками лицо, отчего её смех стал похож на работу маленького сломанного мотора.

Тук просто сел на землю, положил голову на колени и трясся молча, но по его спине пробежали такие судороги смеха, что казалось, он вот-вот взорвётся.

Шепот смеялась тихо, по-своему, прикрыв рот лапкой, а слёзы радости катились по её сиреневой шёрстке.

Дядя Миша стоял и смотрел на эту картину: инопланетный пузырь хохочет, как сумасшедший камертон, вокруг него катаются по земле пушистые комочки счастья. Сначала уголки его губ дёрнулись. Потом он хмыкнул. Потом фыркнул. А потом из его груди вырвался такой раскатистый, басовитый, искренний смех, какого не было, наверное, с самого детства.

Он смеялся, держась за живот, и слёзы катились по его щекам. Он смеялся над абсурдом ситуации, над лопнувшим рукопожатием, над своим потрясённым видом, над тем, что весь этот космический цирк приземлился прямо к нему во двор. Это был смех облегчения, смех радости от возвращения друзей, смех, который смывал всю накопившуюся усталость и напряжение, как волна смывает песок с берега.

Они смеялись все вместе, и этот смех был самым настоящим, самым нужным чудом. Он был мостом между мирами, общим языком, который понимали все: и человек, и пимки, и даже пузырь с далёкой планеты.

Часть 3: Серьёзные лица и план, рождённый в смехе

Когда последние переливы смеха Ловы утихли, а дядя Миша вытер глаза краем фартука, в воздухе повисла другая тишина — сосредоточенная, деловая.

Пимки, как по команде, перестали валяться на траве. Тук встал, отряхнулся, и его лицо стало серьёзным, как у часового на посту. Зум поправила очки, и в её глазах зажёгся холодный, аналитический огонёк. Шепот глубоко вздохнула, и её сиреневый хохолок замерцал ровным, внимательным светом. Даже Тик перестал улыбаться, его хохолок насторожился, окрасившись в цвет решимости.

Видимо, этот взрыв хохота был им нужен как глоток свежего воздуха перед глубоким нырком. Теперь можно было думать.

— Хорошо, — первой нарушила тишину Зум. Её голос звучал чётко и быстро, как стук метронома. — Ситуация. Краткий брифинг для земного союзника.

Она повернулась к дяде Мише, который смотрел на них, всё ещё не веря в резкую перемену настроения.

— Этот пузырь — Лова. С Планеты Пузырей. Именно он много циклов назад, находясь в состоянии сомнамбулического транса, попросту «лунатил», случайно изъял личный артефакт Скуклы — ту самую игрушку — из зоны его покоя и неумышленно катапультировал её через нестабильный портал прямо на Землю, в зону влияния вашей прабабушки Устины.

Дядя Миша медленно моргнул, переваривая эту тираду. «Изъял... сомнамбулический... катапультировал...» Звучало как доклад из секретной лаборатории.

— Теперь, — продолжала Зум, не обращая внимания на его выражение лица, — Лова испытывает комплекс вселенской вины и имеет уникальные способности к безопасной транспортировки хрупких объектов в своём внутреннем пространстве. Он — наш живой контейнер и ключ к доставке.

— А ещё он классный! — не выдержал Тик.

— Время, — перебила Зум. — Критический фактор. Пять порталов, отведённых Ловцами на ожидание, истекли. Пока мы здесь стоим, генерал Крупп на «Призрачном Тумане» ведёт сверхсложные и потенциально опасные переговоры с Ловцами на Планете Молчаливых Зеркал. Наша задача — доставить игрушку к Скукле ДО того, как переговоры сорвутся или закончатся неудачей. Промедление равно катастрофе.

Тук, самый нетерпеливый, от этих слов начал притоптывать мощной лапой. Каждый его «топ» оставлял на мягкой земле аккуратную вмятину, как будто кто-то вдавливал в грунт большую чашку.

— Всё, совещание окончено! — торопливо проворчал он, не в силах больше стоять на месте. — Теория — потом! Шепот, Лова, Зум, Тик — в «Блинчик», курс на кафе! Дядя Миша, со мной!

Он повернулся к человеку и присел, как спринтер на старте. Его мускулистая спина напряглась.

— Быстро садись на спину и вцепляйся в шерсть, — скомандовал Тук. — Как будто от этого зависит твоя жизнь, честь пимковского флота и... и годовой запас пончиков!

Дядя Миша посмотрел на широкую пушистую спину. Потом на «Блинчик». Потом снова на Тука. В его голове пронеслась вереница вопросов: «Как? На спине? А если упаду? А если меня увидят? А законы физики?»

Вопросы так и застряли в горле. Потому что Тук, четырёхкратный чемпион Пим-Стар по межгалактическим прыжкам в длину (подраздел «Планеты с гравитацией до 1.5g»), ждать не привык.

Он рванул с места.

Часть 4: Прыжок чемпиона и мир глазами пузыря

Если бы дядя Миша мог описать то, что произошло дальше, он бы сказал: «Мир превратился в взбитый радужный коктейль».

На самом деле Тук просто побежал. Но побежал он так, как могут бежать только пимки на своей планете, где гравитация — друг, а воздух — пружина. Его лапы почти не касались земли. Он не бежал — он летел низко над травой, совершая гигантские, плавные, невероятные прыжки.

Дяде Мише показалось, что лес по сторонам расплылся в зелёные и коричневые полосы. Небо и земля поменялись местами, потом снова встали как надо. В ушах засвистело так, будто в них встроили два маленьких чайника. Воздух бил в лицо упругой, тёплой стеной, заставляя щёки дёргаться, как холодец на тарелке. Он инстинктивно вцепился обеими руками в густую, мягкую шерсть Тука, прижался к ней лицом и зажмурился.

Единственная мысль, которая крутилась в его голове, была странно спокойной: «Я сейчас умру. Но умру я, летя на спине инопланетного хомяка-чемпиона. В моём кафе живут инопланетяне. И это всё — реальность. Так что да, это достойно».

Пока они неслись к кафе, «Призрачный Блинчик» с остальной командой плавно поднялся над лесом. Зум взяла штурвал, скорректировала курс и плавно нажала на панель ускорения.

А у иллюминатора висел Лова. Его пузырьковый мир рушился. В буквальном смысле.

Все его фантазии о Земле — Планета-Кекс, Гигантский Мягкий Диван, Вечно Вращающаяся Карусель — рассыпались в прах, как его же пузырьки-спутники после неудачной конструкции.

Он смотрел вниз, и его переливчатая поверхность дрожала от восторга и ужаса.

ЛЕС. Он не был сладким и съедобным. Он был **ЗЕЛЁНЫМ МОРЕМ**. Миллиарды-триллионы острых, колючих, шершавых существ (деревья!) качались под ветром, словно танцующий медленный, древний танец. И они все были разными! Одно — высокое и прямое, как стрела. Другое — корявое, с ветками-когтями. Между ними бежали, прыгали, прятались маленькие тёплые точки жизни (звери? птицы?). И запах! Через фильтры корабля доносился сложный, густой, влажный запах — не сладкий, а живой. Запах роста, гниения, цветения и тайны.

ДОРОГИ. Серые, мёртвые реки, застывшие в странных, извилистых узорах. По ним ползли, нет, **БЕЖАЛИ** с невероятной скоростью металлические жуки (машины!) разных цветов. Они гудели, рычали, мигали красными глазами (стоп-сигналы!). Они неслись друг за другом, обгоняли, останавливались на перекрёстках, где горели разноцветные солнца (светофоры!) — красное «стой!», жёлтое «внимание!», зелёное «лети!». Это был жёсткий, чёткий, сумасшедший балет по правилам, которых Лова не понимал.

ДОМА. Огромные, квадратные, угловатые ГНЁЗДА. Сотни, тысячи окон — маленьких светящихся квадратиков, за каждым из которых, наверное, кипела своя маленькая жизнь. Одни дома были высокими, как скалы, другие — приземистыми, как грибы. На них горели жёлтые точки (фонари!), освещая тротуары, где двигались, нет, ШЛИ на двух длинных ногах великаны (люди!). Они были такие медленные! Такие тяжёлые! Они размахивали верхними лапами, что-то несли, о чём-то говорили, глядя в маленькие светящиеся плитки в своих ладонях.

НЕБО. Оно не было чёрным с бриллиантами звёзд. Оно было огромным, бескрайним КУПОЛОМ цвета увядающей незабудки. По нему плыли не пузыри, а КЛУБЯЩИЕСЯ ОБЛАКА — белые, серые, розовые от заката. Они меняли форму медленнее, чем пузыри, но тоже постоянно — то дракон, то корабль, то просто пушистое одеяло. А вдалеке, на самом краю, висело одно-единственное, огромное, усталое СОЛНЦЕ, которое не прыгало по небу, а медленно, нехотя сползало вниз, окрашивая всё в золото и печаль.

«Они... они все такие РАЗНЫЕ, — думал Лова, и его сердце (или то, что его заменяло) сжалось от сложности этого мира. — Ничего не повторяется. Всё движется, шумит, живёт, сталкивается. Здесь нет вечного сна. Здесь вечное... бодрствование. И оно такое громкое. И такое красивое. И такое страшное».

Он почувствовал себя не просто пузырьком, а пылинкой в этом гигантском, дышащем организме под названием Земля.

Часть 5: Корабль в кафе и исчерпанный запас удивления

Несколько невероятных секунд спустя (для дяди Миши — маленькая вечность) они резко остановились у знакомой двери кафе «Пим-стар». Тук затормозил так плавно, что дядя Миша даже не почувствовал толчка. Просто мир снова стал чётким, твёрдым и неподвижным.

Дядя Миша, шатаясь, как моряк после шторма, слез со спины. Его ноги были ватными, а пальцы ещё несколько секунд сами по себе судорожно сжимались, будто всё ещё держались за шерсть. Он сделал неуверенный шаг, потом другой, оперся о знакомую кирпичную стену.

Перед ним была его дверь. Круглый, массивный люк с ручкой-штурвалом. За ней — его кафе. Его мир. Нормальный, земной, где пахнет кофе и корицей, а не космическими аномалиями.

Дрожащей рукой он нащупал в кармане ключ. Металл был тёплым от тела. Он вставил ключ, повернул. Щёлк знакомого замка прозвучал как гром.

Дядя Миша толкнул дверь. И она с шипением растворила вход, отъехав половинками к разным стенам проема.

Именно в этот момент «Призрачный Блинчик» с остальной командой, ведомый безупречным расчётом Зум, выполнил филигранный манёвр.

С лёгким, почти музыкальным «виин-ууум» силовых полей, корабль — идеальная серебристая капля размером с небольшой автомобиль — аккуратно, с ювелирной точностью, влетел в распахнутую дверь прямо над головой дяди Миши. Он проскользнул в холл, мягко завис в центре главного зала и бесшумно опустился на тёмный, звёздный пол, даже не поцарапав светящиеся голубые тропинки.

Дверь позади дяди Миши с тихим шипением закрылась сама.

Он стоял на пороге. В его кафе. Внутри которого, аккуратно между столиками-капсулами и барной стойкой-пультом, стоял настоящий космический корабль. «Призрачный Блинчик» слегка светился внутренним синеватым светом, и из его слегка приоткрытого люка уже вылезали Зум, Шепот и Тик. Лова медленно выплывал следом, озираясь вокруг с новым любопытством — теперь он видел помещение, которое было мостом между его фантазиями и реальностью.

Зум, спрыгнув на пол, окинула взглядом ситуацию: корабль, зал, дверь, стоящего в ступоре дядю Мишу. Она кивнула, удовлетворённая.

— Оптимальное использование пространства, — с профессиональной гордостью констатировала она. — Прямо как в инструкции по экстренной посадке в стеснённых городских условиях. Параграф 7.3: «Если ангар отсутствует, используйте любую доступную крытую площадку, соблюдая правила интерьерной безопасности».

Дядя Миша молчал. Он смотрел на корабль в своём кафе. Потом на пимков. Потом на пузырь. Потом снова на корабль. Он открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

Ничего не вышло. Ни звука.

Он просто медленно поднял руку и потёр ладонью лицо, как будто пытаясь стереть картинку, которая не должна была быть реальной.

Потом он тихо, очень тихо сказал сам себе, но так, что все услышали:

— Всё. Запас удивления. Окончательно. И бесповоротно. Исчерпан.

Он вздохнул. Глубоко. И посмотрел на команду уже не как на невероятное чудо, а как на очень сложную, но очень важную рабочую задачу, которая сейчас стоит в его зале.

— Ну что ж, — сказал дядя Миша, и в его голосе прозвучала твёрдая, земная решимость. — Раз корабль уже в гостинной... давайте работать. Пойдемте наверх, игрушка там. И как мы собираемся засунуть её в... — он посмотрел на Лову, — в этого товарища?

Приключение, которое только что совершило круг по Вселенной, вернулось туда, откуда началось. И теперь, среди запаха старого дерева и сладкой ваты, под светом нарисованных звёзд на потолке, должно было начаться самое главное. Возвращение долга. Возвращение домой.

ГЛАВА 2: ПЛАНЕТА, ГДЕ ПРАВДА ИГРАЕТ В ПРЯТКИ

Часть 1: Миллиард отражений одной лжи

Планета Молчаливых Зеркал была самым честным и самым жутким местом во всей вселенной. Она не просто **имела** зеркала — она целиком и полностью **состояла** из них.

Представьте: вы стоите не на земле, а на бесконечном зеркальном полу. Под ногами — ваши отражения, под ними — ещё, и ещё, уходя в бесконечную глубину, как в колодце. Над головой — не небо, а такое же зеркало, и в нём вы видите себя же, стоящего вниз головой. И так везде.

Зеркальной была пыль под ногами — крошечные-прекрошечные осколки, которые, если наступить, звенели, как рассыпанные бусины. Зеркальными были причудливые, угловатые «деревья» — на самом деле гигантские кристаллы, чьи листья-осколки тихо звенели от малейшего движения воздуха, будто рассказывая друг другу секреты. Даже редкие лужицы были не водой, а жидкой, тягучей ртутью, в которой отражались десятки спутников-близнецов, вечно круживших вокруг планеты — таких же идеальных зеркальных шаров.

А ещё здесь плавали. Нет, не люди — огромные зеркальные платформы, как куски разбитого гигантского блюда. Они медленно кружили в невесомости, и на некоторых лежали целые горы золотого песка, который на самом деле был мельчайшей зеркальной пылью. Если дунуть — она взлетала и превращалась в сверкающую бурю, в которой миллиарды отражений начинали танцевать безумный танец.

История этой планеты была похожа на сказку, которую рассказывают шепотом.

Когда-то это была скучная, серая планета-окамыш. Ничего интересного. Пока на неё не обрушился великий **Зеркальный Потоп**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.